

В поисках выхода из кризиса*

Существование на протяжении продолжительного времени глобального экономического кризиса свидетельствует о том, что мир вступил в эпоху серьезных социально-экономических преобразований. В среде экономистов и политиков обсуждаются сценарии изменения существующих моделей хозяйствования с целью выведения их из кризисного состояния. Разработка сценариев выхода национальных экономик из кризиса в условиях глобализации поражает противоположными подходами: одни отстаивают политику жесткой государственной экономии и рассчитывают на силы рынка, другие, напротив, призывают к государственной политике стимулирования совокупного спроса. Уже сам факт наличия противоположных точек зрения в подходах к экономической политике свидетельствует о сложности и различиях в понимании как самой природы кризиса, так и разрешения противоречий, держащих мировую экономику в тисках этого кризиса. С момента возникновения экономического кризиса многие ученые, политики, мировые экономические организации пытаются ответить на два вопроса: «Как это случилось?» и «Что теперь делать?».

Поиску ответа на второй вопрос посвящена книга известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии «Выход из кризиса есть!» Пола Кругмана¹. Ученый полагает, что «эти два вопроса связаны между собой, совершенно очевидно, но ни в коем случае не идентичны. Одно дело – знать причины заболевания сердца, а совсем другое – уметь их

* Материал публикуется в порядке дискуссии, начатой академиком НАН Украины В. Гейцем и членом-корреспондентом НАН Украины А. Гриценко в статье «Выход из кризиса» (размышление над актуальным в связи с прочитанным) см.: «Экономика Украины», № 6, 2013.

¹ См. Пол Кругман. Выход из кризиса есть! /Пер. с англ. Ю. Гольдберга – М.: Азбука. Бизнес Азбука – Аттикус., 2013. – 320 с.

лечить. То же самое относится к экономическому кризису. В данный момент нас больше всего должно интересовать лечение».²

Но, как показывает автор книги, «лечение» не может быть успешным на базе господствующих монетаристских концепций, ибо они никак не подходят для экономики, находящейся в состоянии депрессии. Пол Кругман утверждает, что «по существу мы имеем дело с тем же типом ситуации, который описывал Джон Мейнард Кейнс в 30-х годах XX века: экономика пребывает в состоянии хронически пониженной активности в течение длительного времени, не проявляя заметных тенденций ни к оздоровлению, ни к окончательному краху. Безусловно, такое положение дел неприемлемо»³.

К сожалению, теоретические истоки практических действий правительств по выходу из кризиса лежат в догмах неоклассической теории, которая заняла господствующее положение в мировой экономической науке и преподавании. Не разобравшись по существу в пригодности данной теории к условиям спада экономики, многие правительства, в том числе и в Украине, некритически восприняли ее основные постулаты и попытались безуспешно реализовать в практике хозяйствования.

«Современный консерватизм, - отмечает П. Кругман, - верен идее, что ключом к процветанию служат свободные рынки и неограниченное стремление к прибыли и личной выгоде, а усиление роли государства после Великой депрессии не может принести ничего, кроме вреда»⁴. Автор задает вопрос: как получилось, что консервативная идеология, вера в то, что государство не решает проблемы, а лишь усугубляет их, так сильно влияет на наш политический дискурс?

² См.: там же с.7

³ См.: там же с. 8

⁴ См.: там же с. 105

Разработка альтернативной теоретической концепции

Даже сейчас, когда картина неблагополучия в мировой и украинской экономике стала очевидной, нет серьезного разбора теоретических истоков принятой в качестве определяющей модели экономического развития. Не только среди практиков, но и среди научной общественности преобладают представления, что отказ от государственных форм регулирования и переход к свободе рыночных сил придает национальной экономике устойчивую динамику.

Все это свидетельствует о том, что в отечественной науке и практике идет сложный процесс овладения теоретическим богатством и инструментарием мировой экономической науки, творческого использования этого интеллектуального богатства применительно к анализу украинской экономики. Прежде всего, это относится к области макроэкономики, которая все еще остается наименее освоенным разделом экономической теории, несмотря на то, что именно макроэкономика наиболее актуальна для исследования и разработки социально-экономической политики и обеспечения сбалансированного устойчивого роста.

В определенной мере такое отставание макроэкономики как раздела экономической науки связано с господством как в самой науке, так и в практике консервативных течений, существенно упрощающих макроэкономический анализ.

Несмотря на то, что эти теоретические течения, прежде всего монетаризм, в достаточной мере дискредитированы нынешней длительной экономической депрессией, они по-прежнему определяют видение хозяйственных процессов в современной глобальной экономике. В то же время, отмечает Пол Кругман, « в 2008 году мы неожиданно обнаружили, что живем в кейнсианском мире, то есть в том, который Джон Мейнард Кейнс в 1936 году описал в своем главном труде «Общая теория занятости, процента и денег» (The General Theory of Employment, Interest and Money). Я имею в

виду, что мы столкнулись с недостатком спроса, который стал главной экономической проблемой, а недостаточные технократические меры вроде снижения ставки финансирования федеральной резервной системы помочь в сложившейся ситуации не могли. Для эффективной борьбы с кризисом нам требовалась более активная политика государства в форме временного увеличения бюджетных расходов, чтобы бороться с безработицей, а также усилий по сокращению чрезмерной задолженности»⁵.

Автор считает, что обращение к работам Дж. М. Кейнса и его последователей может во многом способствовать разработке альтернативной теоретической концепции как основы для выработки иной экономической политики для стран Запада. На конкретных примерах Пол Кругман показывает, что в эпоху кризиса правительство США не последовало призывам сокращать расходы, взвинчивать налоги и даже процентные ставки, несмотря на угрозу массовой безработицы, тогда как в Европе сторонники строгой бюджетной экономии одержали победу в политической дискуссии. Строгая экономия стала обязательным условием для помощи странам-должникам. Между тем страны, не имевшие проблем с займами, такие, как Германия и Нидерланды, стали проводить политику умеренной экономии. Таким образом, общим результатом для Европы стало сокращение денежного потока⁶.

Ученый показывает, что альтернативные виды экономической политики, в основе которых лежат противоположные теоретические концепции, дали разные результаты. Пути экономик США и Европы, находящихся с конца 2007 года и на начало 2010 года в депрессии, стали расходиться. Реагируя на рецессию, правительство США вместе с Федеральной резервной системой (ФРС) кардинально изменили модель антикризисной политики, решив прибегнуть в 2008 году к политике «новой нормы». Наиболее известной её внешней приметой стали три этапа

⁵ См.: там же с. 137.

⁶ См.: там же с. 13 -14.

долларовой эмиссии, именуемой «количественным смягчением», которые повлияли на создание новых рабочих мест. Американская экономика в 2010 году начала увеличивать количество рабочих мест, а в 2011-2012 годах появилась четкая тенденция улучшения экономики. Ситуация в Европе, напротив, становилась всё хуже и хуже. К концу 2012 года европейский континент официально находился в состоянии рецессии. Такое принципиальное расхождение в сценариях экономического развития Пол Кругман объясняет использованием разных теоретических подходов.

Он показывает, что правительство США не последовало совету строгой экономии, в отличие от европейских стран. «После завершения программных мер поддержки, принятой администрацией президента Обамы, наблюдалось некоторое пассивное ужесточение финансовой политики, но никак не сдвиг в сторону строгой экономии. ФРС не только поддерживала низкие процентные ставки, но и объявила о программе покупки облигаций, пытаясь придать вялому восстановлению экономики новый импульс... Тем временем на Европейском континенте строгая финансовая дисциплина становилась все более популярной, и в начале 2011 года ЕЦБ поднял процентные ставки, несмотря на глубокий экономический спад в зоне евро и отсутствие серьезной угрозы инфляции»⁷.

На приведенных примерах Пол Кругман показывает конструктивную роль кейнсианства как макроэкономической теории, имеющей широкий выход в практику и предполагающую активную роль государства в определении объема инвестиций, регулировании ставки процента, политике доходов. Ныне снова актуальны слова Дж. К. Гэлбрейта о роли кейнсианства в годы Великой депрессии: «Кейнсианство оказалось лекарством против отчаяния, которое находилось в непосредственной близости. Оно не отвергло систему, но спасло её»⁸.

⁷ См.: там же с. 256.

⁸ Гэлбрейт Дж. К. Как Кейнс пришел в Америку. Экономика и математические методы. - 1997. - № 4.- с. 69

В то же время опыт борьбы с нынешней депрессией опроверг основные постулаты неоклассической ортодоксии.

Чем объяснить существование разных теоретических подходов, а затем и моделей экономического развития? Ответ зависит от понимания самой природы современного капитализма, который в XX веке претерпел существенные изменения. Возникли разные уровни развития капитализма. После Великой депрессии возник регулируемый капитализм как альтернатива модели капитализму свободной конкуренции. Поэтому неоклассическая теория, использующая принцип *laissez faire* на сегодня не может выполнить свою эвристическую функцию по целому ряду причин.

Во-первых, в основе неоклассической теории лежит представление о рациональном экономическом человеке (*Homo economicus*), согласно которому он обладает исключительными способностями рационального выбора и тем самым всегда максимизирует функцию полезности. Домашние хозяйства максимизируют полезность приобретаемых благ, а фирмы – прибыль. Подобная теория предполагает, что будущее всегда предсказуемо. Кейнсианство утверждает обратное. Человек не обладает способностью рационального выбора и решения свои принимает между неизвестным будущим и безвозвратно ушедшим прошлым, а потому его решения могут быть лишь приближены к действительности, но не могут быть полностью адекватны ей. Будущее характеризуется фундаментальной неопределенностью.

Во-вторых, рыночная экономика, по представлению неоклассиков, стремится к равновесию. Если внешние факторы не мешают экономическим агентам максимизировать свою функцию полезности, то экономика приходит в равновесие. На этом основании вмешательство в хозяйственную жизнь считается вредным. Кейнсианство, отбрасывая догму о рациональном поведении человека, указывает на то, что под воздействием внутренних сил рыночная экономика рано или поздно начинает отклоняться от равновесия,

что в итоге приводит к кризисам, безработице, инфляции и другим негативным моментам.

В-третьих, неоклассическая теория утверждает, что современная экономика ориентируется на рыночные сигналы, универсальным носителем которых являются цены. Определяясь соотношением спроса и предложения, они постоянно сопоставляют потребности рынка с возможностями их удовлетворения и, регулируя величину прибыли в разных отраслях, обеспечивают наиболее эффективное распределение ресурсов в экономике. Кейнсианство не отрицает существование рыночных сигналов и их воздействие на предпринимательскую деятельность, но указывает, что этот механизм действует лишь в краткосрочном периоде. Согласно кейнсианству цены в долгосрочном периоде определяются технологическими факторами и распределением чистого продукта (вновь созданной стоимости) между трудом и капиталом, а также между различными бизнес-группами. В современной экономике лишь меньшая доля цен складывается в результате конкуренции. В основном они устанавливаются ведущими корпорациями по формуле: издержки производства плюс надбавка, образующая прибыль корпорации. Современные фирмы заинтересованы в устойчивых ценах, а потому, когда меняется спрос, то меняется не цена, как предполагают неоклассики, а объем товарного предложения, утверждает кейнсианская теория.

В-четвертых, неоклассика исходит из теории факторов производства, согласно которой каждому из них достается справедливое вознаграждение. Зарплата рассматривается как справедливое вознаграждение труда на уровне созданного им предельного продукта. Конкуренция за рабочие места приводит зарплату в соответствие с вкладом рабочего в создание продукта. На этом основании неоклассики считают, что безработица, во-первых, носит добровольный характер, ибо не работают лишь те, кто требуют больше своего трудового вклада; во-вторых, является положительным свойством саморегулирующегося рынка, поскольку позволяет держать заработную

плату на уровне предельного продукта труда. Кейнсианство выступает против неоклассической трактовки заработной платы, дающей право предпринимателям поддерживать ее на уровне прожиточного минимума. Умеренный рост зарплаты является условием роста совокупного спроса как стимула роста экономики и смягчения социальной напряженности. Расходы предпринимателя на повышение зарплаты становятся одновременно доходами наемных рабочих. Эта взаимосвязь порождает мультипликатор экономического роста.

В-пятых, в отличие от неоклассиков, которые считают, что целью предпринимательства является максимизация прибыли, посткейнсианцы полагают, что основной целью крупных корпораций является не максимизация краткосрочной прибыли, а максимизация долгосрочного экономического роста, что кардинально меняет стратегические планы фирм.

В-шестых, неоклассическая теория исходит из того, что основным мотивом, побуждающим предпринимателей к инвестициям, является уровень процентной ставки. Чем она ниже, тем выше ожидаемая доходность от инвестиций. Но хозяйственная практика не подтверждает эту зависимость. Особенно наглядно это проявляется в нынешних условиях, когда после кризиса процентные ставки по кредитам достигли своего исторического минимума (0,25 % в США и 0,15 % в Японии), не наблюдается повышения спроса со стороны производителей на инвестиции. У кейнсианцев инвестиции зависят от размеров надбавки (прибыли) над издержками, а сам размер этой прибыли как источника инвестиций связан с устойчивым экономическим ростом. Сторонниками этой теории признается необходимость государственного воздействия на инвестиционный процесс.

Проведенный сравнительный анализ неоклассической и кейнсианской теорий позволяет рассмотреть теоретические предпосылки для выработки новой модели экономического развития в нашей стране. Мировая научная мысль обладает богатым арсеналом теоретических разработок, которые

могли бы стать условием реформирования национальной модели экономического развития.

О применении кейнсианской теории в национальной экономике

Однако следует иметь в виду, что кейнсианская теоретическая система не предлагает универсальные рецепты, действующие автоматически и дающие позитивные результаты в любой стране. Теоретическая система Дж. М. Кейнса может быть рассмотрена как метод анализа, дающий ключ к пониманию специфики и реальных взаимодействий в конкретно-исторической хозяйственной системе. Рассмотрим более подробно специфику применения кейнсианских рекомендаций к экономике Украины.

Как известно, в кейнсианской теории эффективный совокупный спрос является двигателем развития национальной экономики. Он включает в себя потребительский и инвестиционный спрос. Каждый из этих видов спроса фиксирует определенные функциональные зависимости в экономике. К примеру, потребительский спрос, по Дж. М. Кейнсу, является функцией от дохода при данной системе распределения.

Что касается самой *теории распределения доходов* в кейнсианской доктрине, в соответствии с которой величина получаемого дохода определяется предельной производительностью труда, то она некритически заимствована самим Дж. М. Кейнсом у неоклассиков.

Но уже после Кейнса, в рамках самого кейнсианского направления, возникли течения, которые подвергли критике заимствованные у неоклассиков взгляды на систему распределения дохода, идущего на личное потребление⁹.

Так, лидеры «неорикардического» течения, или школы «левых кейнсианцев» Джоан Робинсон и Михаил Калецкий (польский экономист,

⁹ Более подробно см.: Теория капитала и экономического роста./ Под ред. С.С. Дзарисова. – М.: издательство Московского университета, 2004

работавший в 30-40-х годах XX века в Англии, в Кембриджском университете), опирались не только на взгляды Кейнса, но и на труды Д. Риккардо и К. Маркса. Они разработали собственную *теорию распределения доходов*, которая, как представляется, наиболее подходит к нашим национальным реалиям.

Суть теории распределения «левых кейнсианцев» сводится к тому, что величина прибыли и заработной платы в каждой отрасли определяется не предельной производительностью труда (как у неоклассиков) и не одной лишь степенью эксплуатации наемного труда капиталом (как в марксистской ортодоксальной теории), а *степенью монополизации определенной отрасли*. Именно такая теория распределения наиболее адекватно отражает особенности характера распределения доходов в нашей монополизированной экономике.

Основные положения теории распределения, развитые Михаилом Калецким, сводятся к тому, что отношение прибыли к издержкам в той или другой отрасли определяется степенью монополизации этой отрасли. Чем более монополизирована отрасль, тем большую долю в цене составляет валовая прибыль.

Эта теория распределения, хотя и отражает существенные черты монополизированной экономики на примере высокоразвитых стран Запада, но не учитывает ряд черт, характерных для постсоветских экономик, в частности тех, которые ориентированы на экспорт сырья. «Левыми кейнсианцами» были исследованы отрасли обрабатывающей промышленности, которые обладали наибольшей степенью монополизации. Здесь уровень цен зависит, во-первых, от величины цен на сырье и издержек на заработную плату прибыли и, во-вторых, от степени монополизации данной отрасли.

В отечественной экономике наибольшая степень монополизации проявляется в сырьевых отраслях. Именно предприятия этих отраслей получают монопольную прибыль и природную ренту. В то же время в

обрабатывающих отраслях уровень цен определяется стоимостью первичных ресурсов и низкой заработной платой. Потому при сложившейся системе распределения практически невозможно повышение заработной платы в обрабатывающих отраслях и сельском хозяйстве, т.е. в тех, которые ориентированы на внутренний рынок из-за низкого уровня прибыли.

Таким образом, при сложившейся *системе распределения доходов* увеличение финансирования государственных социальных программ не окажет существенного влияния на динамику потребительского спроса. Без изменения сложившейся *системы распределения доходов* невозможно рассчитывать не только на возрастание потребительского, но и инвестиционного спроса.

Сокращение инвестиционного спроса согласно классической и кейнсианской теории обусловлено падением дополнительной (предельной) эффективности вложений капитала. Такое падение происходит одновременно в ряде отраслей, что и является своеобразным «спусковым крючком» начала кризиса. В этом теоретическом пункте Дж. М. Кейнс полностью солидарен с неоклассиками. Но вот способы стимулирования инвестиционного спроса оказываются разными. Неоклассики предлагают уравновесить инвестиционный спрос путем снижения ставки процента, что в нынешних условиях является нереальным. Кейнсианская теория полагает, что в условиях резкого падения инвестиционного спроса единственным средством его повышения становятся государственные инвестиции.

Применительно к нашей отечественной экономике низкий уровень инвестиционного спроса обусловлен отнюдь не циклическим падением дополнительных (предельных) вложений капитала, поскольку сама природа кризиса иная. Она не циклическая, а межсистемная, трансформационная, что представляет собой отдельную тему научного исследования. Причиной недостаточного инвестиционного спроса в украинской экономике является *сложившаяся система распределения добавленной стоимости* между отраслями. В обрабатывающие отрасли попадает небольшая часть

совокупной добавленной стоимости, что обуславливает низкий уровень их рентабельности, а также недостаточный инвестиционный спрос. В то же время избыточные доходы сырьевых отраслей, ориентированных на экспорт, используются для формирования крайне ограниченного инвестиционного спроса, охватывающего незначительный объем сопутствующих отраслей с низким технологическим переделом, поэтому не создающих значительного мультипликационного эффекта, доходящего до отраслей высокотехнологической сферы. Обработывающие отрасли (машиностроение и его главная составляющая - станкостроение) не получают инвестиционных импульсов от сырьевых экспортно-ориентированных отраслей. Последние предпочитают закупать необходимые ингредиенты за рубежом.

Кроме производительных инвестиций, сырьевые корпорации осуществляют огромные непроизводительные траты на престижное потребление их владельцев и высших менеджеров, а так же на содержание дорогих «игрушек для взрослых», как-то: национальные футбольные клубы. Национальные чемпионаты по футболу превращаются в азартные игры олигархов. Значительная часть неиспользованной прибыли по различным каналам выводится за рубеж.

Потому при сохранении сложившейся *системы распределения совокупной добавленной стоимости* проблема активизации недостаточного инвестиционного и потребительского спроса не может быть решена.

Что же касается активизации государственных инвестиций, то в условиях бюджетного дефицита и выполнения государственных внешних обязательств они не могут осуществляться в больших объемах. Сегодня на развитие экономики по данным Федерации работодателей направляется всего 10% всех расходов государственного бюджета.

Следует также обратить внимание на неэластичность инвестиционного спроса в национальной экономике в зависимости от ставки процента. Кейсианцы и неоклассики считали, что динамика инвестиций зависит от соотношения нормы прибыли и ставок процента. Однако нынешняя

хозяйственная практика высокоразвитых стран показывает, что такая эластичность практически отсутствует.

В условиях нынешней депрессии ставка процента во многих странах Запада составляет десятые, а то и сотые процента (как в Японии), однако, в это же время, можно наблюдать повсеместный низкий уровень инвестиционной активности. Следовательно, сегодня отсутствует линейная функциональная зависимость между динамикой инвестиций и ставкой процента, о которой писали неоклассики и Дж. М. Кейнс.

В отечественной экономике сложилась ситуация, при которой динамика инвестиций не зависит от соотношения нормы прибыли и ставки процента. Поскольку величина рентабельности резко дифференцирована по отраслям, и такое различие носит устойчивый характер, постольку снижение ставки процента не сможет повлиять на инвестиционную активность высокорентабельных отраслей.

Теоретические предпосылки формирования новой экономической модели

Как показано выше, применению кейнсианских рецептов макроэкономического регулирования препятствует сложившаяся система распределения доходов, в т.ч. большая дифференциация последних в отраслевом разделе, делающая инвестиции слабо эластичными по ставке процента. Сюда можно отнести и проводимую НБУ политику денежных ограничений, привязку эмиссии денег к валютным экспортным поступлениям, а не к объемам хозяйственного оборота в реальном секторе экономики.

Помимо сложившихся объективных обстоятельств, обусловленных действием рыночных сил, система распределения доходов в рыночной экономике зависит также и от принятия общественным сознанием существующего положения неравенства в распределении общественного

богатства, то есть от нравственных императивов, уходящих своими корнями в эпоху Просвещения и ранние этапы становления капитализма. На этих начальных этапах, когда борьба буржуазии со старым режимом за равенство своих возможностей завершилась ее победой, против неограниченного господства буржуазии стали искать необходимые социальные противовесы. Если же они не будут найдены, то, по мнению А. Смита, об «общих идеалах» свободы и равенства можно забыть. В «Исследовании о природе и причинах богатства народов» А. Смит отмечает, что не надо доверять торговцам и купцам, они всегда обманут общество; но можно создать такое взаимное балансирование противоречивых интересов, чтобы их сумма работала на потребности общества, а не эгоистичного класса. Мимо этой значимой и сугубо либеральной мысли сторонники либерализма и неоклассики проскальзывают. Необходимо определить, каким образом социальные группы, выражающие разные интересы, могут так друг друга контролировать, что ни одна из них не смогла полностью реализовать свой эгоистичный интерес. В выводах к 11 разделу упомянутого исследования А. Смит призывает общество к бдительности в отношении к классу купцов и промышленников, всегда склонному «вводить общество в заблуждение и даже угнетать его»¹⁰.

Вот это и есть, по А. Смицу, нормальное правовое государство, нормальная рыночная экономика, которая работает на общество, а не на отдельные коррумпированные олигархические кланы. Следовательно, уже А.Смит затрагивает вопрос об ограничении морального принципа «laissez faire» и рассматривает его всего лишь как один из возможных типов экономического порядка. Если неравенство естественно и необходимо для прогресса, как утверждает нелиберальная доктрина, то логично держаться за принципы laissez faire. Если же, наоборот, мы хотим смягчить существующее неравенство и двигаться к расширению прав граждан на труд и достойный

¹⁰ См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – с. 282

заработок, то этого можно добиться только в рамках регулируемого рынка, сознательной увязки высшей цели общества с его спецификой.

Как показывает печальный опыт реформ, этот вопрос для нашей страны стал особенно актуальным. Различие между богатыми и бедными гораздо больше, чем в странах традиционного капитализма. Там соотношение в доходах между 10% самых богатых и 10% самых бедных составляет 6 раз, а у нас, по официальным статистическим исследованиям, - 17 раз, а в действительности ещё больше. Это результат функционирования сложившейся в нашей стране хозяйственной модели. В этой связи возникает проблема исторического выбора, каким путем идти: путем усиления имущественного неравенства и социальной напряженности или снижения этих социально-экономических различий, обеспечения консенсуса между разными социальными слоями общества? Если первое, то ничего менять не следует. Надо лишь следовать принципу *laissez faire*, т.е. идеологии социального дарвинизма. Это означает реализацию принципа, что каждый в обществе решает сам за себя со своим индивидуализмом и рационализмом, никому не до кого нет дела.

Современное западное общество уже не является таким. Пол Кругман в своей книге отмечает, что, согласно докладу управления Конгресса США по бюджету о росте неравенства, с 1979 по 2007 год доля чистого дохода 7% самых богатых выросла с 7,7 до 17,1 % от общего дохода. Понимание того, что доходы богатых – это совсем не пустяки, а один из главных показателей происходящего в американской экономике и американском обществе, пришло совсем недавно¹¹. Но всё равно оно считается наследником этой традиции, когда воплощает в жизнь идеи ортодоксальной неоклассической теории в форме либеральной рыночной модели.

Если же исходить из того, что нынешняя модель развития непригодна по нравственным и социально-экономическим критериям, то надо менять

¹¹ См.: Пол Кругман... с. 118- 119

модель развития. Ясно, что смена сложившейся модели экономического развития не может проходить легко, без препятствий. Одного научного доказательства для её смены недостаточно. Несмотря на очевидную непригодность существующей модели для общества в целом, она является чрезвычайно эффективной для тех, кто с её помощью сумел получить миллиардные и миллионные состояния, выраженные в твёрдой валюте. Поэтому для её защиты они будут прибегать к любым средствам¹². Для преодоления такого сопротивления понадобится широкий арсенал средств и, прежде всего, научного обоснования альтернативной модели.

Каковы основные контуры этой необходимой нам модели?

Можно сказать, что в такой ситуации крайне важна теория, которая проливали бы свет на пути и перспективы развития страны. Старый теоретический инструментарий для этого не подходит. Это относится как к марксистской теории в её прежнем ортодоксальном виде, так и к неоклассике, несмотря на её доминирование в мире. В то же время постоянное стремление к тотальной монополизации неоклассических постулатов придало этой теории известную респектабельность и подобие точной науки. Непомерная математизация неоклассических теоретических конструкций означала переход к нереалистичному изображению экономики. Обличенная в математику неоклассическая теория приобрела видимость математически доказанных теорий. Поставленная под сомнение кейнсианством идея стремления хозяйственной системы к равновесию и эффективному саморегулированию с помощью математических конструкций была восстановлена в правах. В экономическом наследии Запада имеется огромная литература, в которой содержатся доказательства того, что саморегулирующего рынка давно не существует. Тем не менее, идея

¹² Полом Кругманом показаны исследования, сделанные политологами Китом Путом и Говардом Розенталем, которые обнаружили сильную корреляцию между долей в совокупном доходе 1% самых богатых и уровнем поляризации в конгрессе. В первые 30 лет после Второй мировой войны, отмеченные относительно ровным распределением доходов, также наблюдалось широкое межпартийное сотрудничество, а наличие немалой группы политиков-центристов позволяло принимать более или менее согласованные решения. После 1980 года Республиканская партия сдвинулась вправо - одновременно с ростом доходов элиты, и политические компромиссы стали почти невозможными. (См.: Пол Кругман ... с 133).

рыночного саморегулирования представляет для неоклассики главную идеологическую ценность, без которой она как теория существовать не может.

Как показал наш собственный опыт хозяйственного реформирования, некритически заимствованная неолиберальная доктрина, лежавшая в основе национальной модели хозяйствования, не только не обеспечила рост эффективности общественного производства, а привела к его сокращению. Она разрушила всю прежнюю систему социального обеспечения, ухудшила жизненный уровень основной части населения. Пол Кругман отмечает разрушение сложившихся до кризиса форм специальной защиты безработных. Так, «в 2010 – 2011 годах отмечалось некоторое снижение безработицы, но число безработных американцев, не получающих пособие удвоилось... Совершенно очевидно, что причины продолжительной безработицы обусловлены макроэкономическими явлениями и ошибками в экономической политике и не зависят от конкретного человека, но данное обстоятельство не спасает жертвы от страданий»¹³. Но если в эпоху Великой депрессии, отмечает П. Кругман, никто не понимал, что происходит и что надо с этим делать, то современные руководители уже не могут воспользоваться такой оговоркой. Сегодня мы обладаем и знаниями и инструментами, чтобы положить конец страданиям людей, тем не менее, мы этого не делаем¹⁴.

Всё это делает необходимым обращение к альтернативной теории, которая утверждает, что эффективный рост общественного производства и социальное согласие в обществе достигаются не путём спонтанного, а регулируемого развития.

Эта альтернативная теория должна учитывать современные тенденции экономического развития и дать ответ на ряд вызовов, которые заметны в

¹³ См.: там же с.36

¹⁴ См.: там же с. 47

масштабах мирового и национального хозяйства. Для нас хороша та модель экономики, которая обеспечивает экономический рост страны.

В западной экономической мысли разграничивают две модели капитализма. Одну из них называют «либерально-рыночной экономикой» (Liberal Market Economy – LME), а другую – «скоординированной или организованной) рыночной экономикой» (Coordinated or organized Market Economy – CME)¹⁵.

Различие между ними состоит в том, что в первой (LME) фирмы оперируют на конкурентных рынках во всех областях экономической жизни ценовыми сигналами, спросом и предложением как главными индикаторами. Наблюдается значительная дополняемость институтов и процессов регулирования. Подобные экономические системы обладают высоким уровнем капитализации рынка ценных бумаг, низкой защитной занятости, высокими ставками оплаты труда и значительным неравенством доходов. Экономика характеризуется слияниями и поглощениями через фондовый рынок, слабыми профсоюзами и низкой защищенностью труда. Такая модель либерального рынка применяется в англо-саксонских обществах - США, Великобритании, Канаде, Австралии и Новой Зеландии.

В экономике второго типа (CME) деятельность фирм координируется через нерыночные связи. Они включают сеть мониторинга, основанную на обмене частичной информацией и отношениях сотрудничества, а не конкуренции между компаниями. В такой экономике имеет место высокий уровень защиты занятости, невысокая капитализация рынка ценных бумаг, относительно меньшее число рабочих часов и относительно низкий уровень неравенства доходов. Поглощения относительно редки, и профсоюзы отстаивают интересы труда. Деятельность компаний координируется через вертикальные и горизонтальные ассоциации фирм. Модель такого вида применяется в Германии, Дании, Франции, Швеции, Японии и др.

¹⁵ См.: Coates D. Models Capitalism in the New World Order // Political Studies/ - 1999/ - Vol. XLVII/ - P/ 643 – 660.

Каждая из названных моделей имеет собственную целевую функцию и набор инструментов. Под ними понимаются работающие на имеющуюся цель институты, инфраструктура, традиции и менталитет населения. Поскольку существует неразрывное единство цели и средств ее достижения, то, как показывает практика, находящиеся в одних условиях инструменты хозяйственного управления оказываются неподходящими для других.

Так, целевой функцией принятой нами неоклассической модели рынка, как известно, выступает максимизация прибыли. Вся инфраструктура капитализма, институты государства и общества, правовые и этические нормы, средства массовой информации, а также учебные планы университетов приспособлены к достижению конечной цели. К этому множеству относится, например, поддержание так называемой «естественной нормы безработицы» на уровне 3 – 4 % от общей численности рабочей силы. Без этого не будет конкуренции за рабочие места, а, следовательно, невозможно поддерживать заработную плату на уровне, который называется предельным продуктом труда.

Теперь сравним неоклассическую, либеральную модель с моделью «скоординированной рыночной экономики».

Наиболее рельефно она нашла своё воплощение в германской модели экономики, которая включает в себя опыт корпоративного управления. Она родилась как результат особой реакции немецкого бизнеса и народа на две социально-политические катастрофы, пережитые в XX веке. Они научили правящий класс Германии дорожить доверием народа и вести бизнес, сообразуясь с его интересами. Не столько правящие круги, сколько национальный бизнес и социал-демократия стали творцом отношений сотрудничества между трудом и капиталом, что получило название Sozialen Marktwirtschaft (социальное - рыночное хозяйство)¹⁶.

¹⁶ См.: Х.Ф. Вюнше. Социальное рыночное хозяйство как политика ведения рыночного хозяйства. В кн: Цель – рыночное хозяйство: хозяйство и общество в процессе перехода от плана к рынку. - М.: Вла Дар. 1996, с. 23-43

Составной частью этой модели является положенное в основу управления корпорациями «право совместного принятия решений» (Mitbestimmung), по которому собственник не устраняется от управления, а сохраняет в нём участие вместе с представителями рабочего коллектива, государства и профсоюзов. Это нашло своё воплощение в двухярусной системе управления корпорациями. Первый ярус составляет правление (Vorstand), т. е., по-нашему – совет директоров. Он состоит из профессиональных менеджеров, осуществляющих повседневное технико-экономическое руководство работой возглавляемых подразделений фирмы. Второй ярус – это наблюдательный совет (Aufsichtsrat). В компаниях, где две тысячи и более работников, наблюдательный совет на половину состоит из представителей трудового коллектива, а другая половина – из представителей собственников и заинтересованных сторон. Такими могут быть, в частности, государство, банки, ассоциации потребителей, поставщики и т.д.

В компаниях с меньшим числом работников коллективу обычно отводится треть голосов. Совет директоров подчинён наблюдательному совету, который контролирует его работу, рассматривая дела фирмы примерно раз в квартал без вмешательства в его оперативное управление.

Благодаря системе совместной ответственности, у собственников складываются доверительные отношения, с одной стороны, с менеджерами, а с другой – с наёмными работниками. Как показывает опыт, корпоративное управление в Германии достигло того, чего раньше не было: преодолен антагонизм между трудом и капиталом.

Описанная выше модель капитализма разительно отличается от того, что мы видим в национальной экономике. Украинский собственник строит свои отношения с коллективом по старой феодальной традиции барина с крепостными и никакого партнерства с ним не приемлет. Не доверяет он ни менеджерам, ни рядовым работникам, за которыми присматривает служба

безопасности. Все это не отвечает отношениям, которые сложились в цивилизованных моделях экономики.

Одним из составляющих элементов новой модели хозяйствования должен быть специально созданный механизм исключения возможности единоличного контроля собственника над финансовыми потоками фирмы и бесконтрольного присвоения ее доходов.

Право собственности должно быть гарантировано, но в пределах учета интересов общества и коллектива. Иначе социального напряжения, переходящего в конфликты, не избежать. Способы хозяйствования, включая источники получения доходов, должны быть прозрачными и подконтрольны как государству, так трудовому коллективу.

Поскольку национальный собственник добровольно не согласится на такие цивилизованные формы сотрудничества, то в таком случае для «принуждения к цивилизованности» понадобится принудительное действие государства. Необходимо принять Закон о корпоративном управлении, где расписать все стороны деятельности участников бизнеса: собственника, коллектива и государства. Последнее должно выйти из роли нейтрального наблюдателя происходящих в экономике процессов.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что для выполнения государством своей функции регулирующего центра необходимо его очищение от коррупции и бюрократизма, накопившихся за годы функционирования при сложившейся модели. Только при этом условии, оно в союзе с цивилизованным частным бизнесом может быть движущей силой социально-экономического процесса.

Концепция направляемого государством развития (State-led development), как показывает международный опыт, предполагает согласованность определяющих макроэкономических параметров: *цен, зарплаты, инвестиций*. Если цены непрерывно растут, как происходит у нас, то зарплата теряет стимулирующую роль, а инвестиции вообще становятся бессмысленными, поскольку можно легко получать высокие доходы за счет

роста цен без инвестиций в экономику. В такой ситуации «борьба с инфляцией» также не может иметь успеха. Для надежного заслона на пути инфляции необходимы, во-первых, подгонка при помощи рыночных методов структуры производства и услуг под реальный спрос населения с помощью регулирования инвестиций; во-вторых, такой контроль над ценами на основные затратнообразующие товары и продукты массового спроса, чтобы зарплата оставалась стабильной и не теряла стимулирующей роли.

В моделях, основанных на принципах регулируемого развития, в качестве теоретической основы могут быть положены *институциональная, неомарксистская и посткейнсианская экономические теории*.

Таким образом, сравнительный анализ двух моделей показывает их разительный контраст. Альтернативные планово-рыночные модели в соответствии с их собственной спецификой продемонстрировали на протяжении последних 20 лет потрясающие успехи. Так, объем ВВП за указанные годы в Китае увеличился в 5,3 раза, Вьетнаме - в 4, Индии - в 3,2.

Причины успехов китайских реформ один из видных экономистов страны Шэн Хун объясняет следующим образом: «Эти успешные реформы проводились отнюдь не в соответствии с рекомендациями ортодоксальной экономической теории. Можно даже сказать, что именно те реформы, которые оказались не слишком успешными, проводились в соответствии с проектами, разработанными в рамках ортодоксальной экономической теории. Уже сам этот факт представляет собой вызов ортодоксальной экономической теории».¹⁷

Как видим, китайскими экономистами определенно подчеркивается печальная роль ортодоксальной неоклассической экономической теории в странах, возникших на постсоветском пространстве. Если бы предложенные западными методологами Куном, Лакатошем и другими критерии научной состоятельности и несостоятельности соблюдались на практике, то надо

¹⁷ Цит. по: Борох О. Н. Современная китайская экономическая мысль. - М.: Восточная литература РАН, 1998. - С. 248.

было бы признать модели Китая и Юго-Восточной Азии как наиболее продуктивные и заслуживающие особого внимания со стороны экономической мысли. Успехи одних моделей и провалы других надо рассматривать как подтверждение научной состоятельности одной и несостоятельности другой экономической парадигмы. Иными словами, опыт развития подтвердил (верифицировал) теорию сочетания плана и рынка как наиболее эффективную модель ведения хозяйства.

Устойчивая экономическая динамика – главный критерий новой модели

При определении облика альтернативной модели следует исходить из того, что она должна быть нацелена, прежде всего, на эффективный экономический рост. Сложившиеся темпы экономического роста в Украине свидетельствуют, что национальная экономика попала в «ловушку низкой экономической динамики». Так, по данным рейтингового агентства Standard & Poor's темпы роста украинского ВВП в 2013 – 2015 годах ожидаются на уровне 2 – 3 %. Это ниже, чем в России и Казахстане. При сложившихся темпах роста нельзя решить те накопившиеся проблемы, которые сегодня существуют как в экономике, так и социальной сфере.

Поэтому повышение среднегодовых темпов прироста ВВП в Украине до 6–7% на ближайшие 10-20 лет является необходимым макроэкономическим условием перехода в режим устойчивого экономического развития. Такие среднегодовые темпы прироста обусловлены, во-первых, нарастающими проблемами, связанными с переизбытком устаревшего оборудования в жилищно-коммунальной сфере, отраслях инфраструктуры и других секторах экономики. Эти устаревшие фонды нельзя просто «списать», они должны быть либо заменены на новые, либо будут требовать все больших затрат на их поддержание в рабочем состоянии. Наглядный пример: рост нынешних вынужденных затрат в

дорожную инфраструктуру. В целом эти совокупные вынужденные расходы в целом в национальной экономике, по оценкам экспертов, составляют около 2 % ВВП. При планируемых темпах прироста ВВП в Украине 3-4% (что вполне допустимо для высокоразвитых стран), ежегодный прирост ресурсов для решения задач поступательного развития составляет только 1-2 %. Если же подтвердятся прогнозы рейтингового агентства Standard & Poor's о приросте ВВП 2 – 3 %, то ежегодное приращение национального продукта пойдет на покрытие вынужденных расходов.

Во-вторых, более высокие темпы роста необходимы для обеспечения инвестиционного развития. Как известно, инвестиционный спрос способствует расширению спроса на оборудование, строительные работы, различные виды продукции производительного потребления. Увеличение инвестиционного спроса способствует структурно-технологической модернизации производства, обновлению производственных мощностей и повышению его эффективности.

В-третьих, существующие темпы прироста ВВП являются важными характеристиками инвестиционного климата в стране. Высокие темпы роста в той или иной отрасли становятся определенным индикатором для инвестора, свидетельствуют о росте спроса на соответствующие виды продукции, а также благоприятной целевой динамике в данном рыночном сегменте. Устойчивая высокая экономическая динамика снижает инвестиционные риски, расширяет возможности привлечения финансовых ресурсов, уменьшает сроки окупаемости инвестиций.

Поэтому низкие темпы роста ВВП являются не только препятствием на пути активизации инвестиций, но и источником негативных социальных последствий – падения реальных доходов населения, увеличения безработицы, общего роста недовольства в стране.

Решение сложной, но объективно необходимой задачи структурно-технологической модернизации экономики возможно только путем значительного увеличения нормы накопления. Опыт динамично

развивающихся стран, прежде всего Индии и Китая, имеющих норму накопления более 40% и темпы роста 8-10%, свидетельствует о прямой функциональной связи между нормой накопления и темпами роста ВВП.

У большинства развитых стран норма накопления составляет 20-25 %, а темпы роста сохраняются в некризисные годы на уровне 2-4%. Такие размеры накопления и темпы роста объясняются не тем, что там недостаточно ресурсов для инвестиций. Ресурсов там как раз более чем, достаточно. Об этом свидетельствует реальная процентная ставка по кредитам, о которой говорилось выше. Проблема развитых стран состоит в эффективном применении инвестиций, а ограниченное пространство для роста инвестиций обусловлено тем, что большинство потребностей населения и государства в этих странах достигло высокого уровня насыщения. Уже давно в этих странах не увеличивается уровень потребления продуктов питания, уровень обеспеченности автомобилями, другими товарами длительного пользования, медленно растёт жилищное строительство.

Качественно иная ситуация у нас в стране, мы далеки от насыщения основных жизненных потребностей: уровень потребления продуктами питания, обеспеченности автомобилями, жильем, другими товарами длительного пользования в три-четыре раза ниже, чем в высокоразвитых странах.

Значительный потенциал экономического роста связан с созданием современной транспортной инфраструктуры, поэтому без значительного прироста нормы накопления, сначала до 25-27%. а затем и до 30% и выше, решение задачи устойчивого и динамичного развития не представляется возможным.

В сложившихся рыночных системах подавляющая часть инвестиций в основной капитал осуществляется самими корпорациями за счёт собственной прибыли. Источниками оборотного капитала на 60% являются кредиты банков. В Украине оживить производственные частые инвестиции удаётся с

большим трудом. Национальный предприниматель не ориентирован на увеличение нормы накопления, поскольку не может быть уверен в снижении инвестиционных рисков и окупаемости своих инвестиций. Поэтому накопленные доходы частный капитал предпочитает вывести за границу через различные схемы, либо вкладывать в финансовые спекуляции у себя в стране. Как свидетельствует статистика НБУ, отток капитала за границу измеряется десятками миллиардов долларов.

Поскольку частный бизнес не торопится увеличивать норму накопления, это могли бы сделать государственные корпорации за счёт собственных и привлеченных банковских ресурсов. Тем не менее, приостановлены проекты обновления транспортной инфраструктуры. К созданию современной сети автодорог страна по существу не приступала.

Немногим лучше положение в других отраслях инфраструктуры, жилищно-коммунальном секторе, строительстве жилья. Здесь без наращивания капитальных инвестиций за счет банковского сектора не обойтись. Банковская система во главе с НБУ должна стать важным институтом развития¹⁸. Иными словами, необходимо формировать модель интерактивного управления экономическим ростом. Для этого необходимы определённые институциональные конструкции. Рассмотрим этот вопрос в заключительной части статьи.

Институциональные элементы новой экономической модели

Как известно, к началу мирового кризиса 2008 г. украинская экономика не сумела восстановить уровень ВВП 1990 года, сформировать устойчивую модель развития и изменить структуру своей экономики. Десять лет докризисного экономического роста оказались недостаточными для формирования внутреннего рынка, способного обеспечить устойчивый спрос

¹⁸ О роли Национального банка Украины в поддержке экономического роста. См.: В. Геец, А. Гриценко «Выход из кризиса». //«Экономика Украины» № 6, 2013, с. 13 – 14.

на продукцию национальной промышленности. В итоге страна вступила в кризис со старыми проблемами: энергоемким и низкоэффективным сырьевым сектором, машиностроением, ориентированным на страны СНГ и, прежде всего, на Россию, разбалансированной финансовой системой, в связи с ростом цен на газ и крупным внешним долгом (42 млрд. долл.), накопленным банками, корпорациями и государством.

Поэтому изменить сложившуюся негативную тенденцию можно лишь путем перехода к новой модели экономического развития. Для того необходимо создавать нестандартные институциональные элементы новой модели.¹⁹

Она должна включать в себя национальную инновационную систему, настроенную на решение задач заимствования новых технологий и институтов развития, обеспечить синхронизацию различных типов экономической политики для увеличения абсорбционной способности страны и опираться на систему интерактивного планирования, предусматривающую взаимодействие правительства, бизнеса и гражданского общества в процессе формирования и реализации масштабных модернизационных проектов. Эти три элемента в совокупности и образуют систему интерактивного управления ростом, которая должна стать основой новой модели развития через модернизацию национальной экономики²⁰.

Выбор и реализация стратегии дальнейшего экономического развития и модернизации в стране обусловлены объективной необходимостью повышения производительности общественного труда. В Украине она примерно в 3 раза ниже, чем в США и передовых европейских странах.

В основе новой модели должна находиться идея модернизации. Сама постановка вопроса о создании новой модели экономического развития в форме модернизации сама по себе не нова. Такие модернизационные

¹⁹ Разнообразные формы таких институтов, а также институциональное проектирование рассмотрены авторами начатой дискуссии в своей статье. См.: В. Гец, А. Гриценко «Выход из кризиса» // «Экономика Украины» № 6, 2013, с. 14 – 15, с. 18.

²⁰ См.: Стратегия модернизации Российской экономики./ Под редакцией академика В. М. Полтеровича.- Санкт – Петербург: Алетейя, 2010. - с. 5.

проекты были успешно реализованы другими странами – Японией, Южной Кореей, Тайванем, позже Испанией, Португалией, Ирландией. В разное время эти страны сумели в течение 20-30 лет успешно реализовать стратегию догоняющего развития²¹.

Теоретические обобщения успешного опыта стран догоняющего развития говорят о том, что не следует пытаться достичь более зрелых форм демократии и полного исчезновения коррупции (этого достичь не удалось ни в одной стране мира), а затем совершенствовать формы хозяйствования.

Такое совершенствование возможно и при нынешних ступенях зрелости демократии и формах организации политических институтов. Об этом говорит опыт названных выше, а также таких постсоветских стран, как Белоруссия и Казахстан. У последних при нынешнем уровне развития демократии и политических институтов ВВП на душу населения в 2 раза выше, чем в Украине, тогда как в 1991 г. он был ниже украинского уровня.

Для выбора определенного сценария модернизационной стратегии необходимо взаимодействие бизнеса и власти. Сами по себе ни рынок, ни государство не могут вырабатывать и реализовывать стратегию модернизации. До этого необходимо взаимодействие между тремя субъектами социально-экономического процесса: бизнесом, государством и гражданскими институтами.

Приоритеты модернизации нельзя априори выбрать сверху государством, такой выбор возможен лишь путем совместного взаимодействия как в отраслевом, так и в региональном аспектах. Как показывает опыт стран, успешно реализовавших модернизационные стратегии, необходимо наладить механизм заимствования новых технологий и методов хозяйствования. Не следует тратить время на изобретение «велосипедов». Если новые технологии и методы хозяйствования уже

²¹ В этой связи нельзя соглашаться с теми, кто разделяет «алармистские» взгляды о невозможности реализации проекта догоняющего развития. Такие взгляды основываются на анализе неудавшихся попыток модернизации как в форме «перестройки», так и других более поздних проектов.

успешно опробованы, то надо создать механизмы такого заимствования, что само по себе является отнюдь не простой задачей, поскольку упирается в эффективные формы организации взаимодействия бизнеса и государства.

Важнейшим элементом такого взаимодействия является формирование системы *индикативного планирования* как формы согласования интересов бизнеса и государства. Формирование системы индикативного планирования как на национальном, так и региональном уровне осуществляется и в Украине. Разрабатывается множество стратегических планов, однако они не лишены старого порока советского планирования - формирования планов государством без участия бизнеса и институтов развития гражданского общества.

Как показывает практика стран, создавших действенную систему индикативного планирования, ее основным звеном являются институты – посредники регионального уровня, обеспечивающие взаимодействие между местными властями, бизнесом, наукой и гражданскими институтами. В мировой практике в последние 20 лет получили широкое распространение такие институты планирования, как *агентства регионального развития* и бизнес-ассоциации. Например, в Европе такие агентства получили широкое распространение. Там численность таких агентств составляет более ста пятидесяти. На постсоветском пространстве система региональных агентств развития получила наибольшее распространение в Казахстане²².

В чем важность такого института, как агентство регионального развития? Его главная задача состоит в обеспечении конструктивного взаимодействия основных агентов рыночного хозяйствования: бизнес - структур, местной власти и гражданских институтов – на основе доверия.

²² В Украине также были попытки создать агентство регионального развития. Так, при финансовой поддержке ЕС в г. Одессе с 2003 по 2006 гг. было создано и функционировало агентство регионального развития, которое привлекало иностранных инвесторов из стран ЕС для инвестирования в те проекты реального сектора экономики, которые предварительно было отобраны сотрудниками этого агентства. По завершении проекта это агентство перестало существовать. Своих же национальных региональных агентств, которые стали бы опорой для бизнес-сообщества и местной власти, создано не было.

С помощью таких агентств выявляются наиболее предпочтительные и эффективные бизнес - проекты и способы реализации. Такие агентства не ориентированы на извлечение прибыли и не устанавливают каких-либо запретов для бизнеса. Основная задача регионального агентства – стать органом взаимодействия органов власти, бизнеса, науки и гражданских институтов для инициирования широкомасштабных проектов. Агентства превращаются в центры регионального прогнозирования и элементы национальной системы индикативного планирования, в институты развития регионов.

Возникает вопрос: с чего начать создание регионального агентства развития? Как показывает практика создания таких агентств, первыми шагами по их развертыванию могут стать региональные бизнес - ассоциации, которые в свою очередь могут быть объединены в ассамблею региональных ассоциаций бизнеса. Эти ассамблеи формируют исполнительные органы, экспертные советы и комиссии по наиболее важным направлениям модернизации, способствуя тем самым появлению крупных проектов и ускоряя рост экономики в регионах.

Как показывает зарубежная практика, функционирование региональных агентств, ассоциаций бизнеса широко распространено в западных странах. Задачами бизнес-ассоциаций являются: согласование интересов фирм, уменьшая тем самым издержки конкуренции; представление интересов бизнеса, как правило, определенной отрасли в органах региональной и общегосударственной власти; предоставление информации о рынках, технических стандартах, регламентах, требованиях к выпускаемой продукции; обучение своих членов.

Как показывает опыт функционирования ассоциаций в западных странах, они ведут переговоры с профсоюзами, лоббируют интересы бизнеса в правительствах и парламентах, а также консультируют их, участвуют в разработках планов экономического развития.

Таким образом, формируется система как участников разработки и реализации проектов для целых отраслей внутри регионов, так и носителей новых технологий и методов хозяйствования.

Сам отбор проектов для включения в планы государства предполагает публичное обсуждение с привлечением научных сообществ и гражданских институтов. Такое открытое обсуждение повышает уровень доверия участников между фирмами, отчасти конкурентами, и органами государственного управления. Но для этого успешного взаимодействия ассоциаций бизнеса и власти должна быть разработана единая методология расчета эффективности проектов и проведения конкурсов лучших проектов. Тем самым возрастает уровень доверия к участникам проектов и уменьшается влияние лоббирования и возможности коррупции.

При создании сети региональных агентств развития следует учитывать существующие тенденции становления и развития национальных институтов развития. За последние десять лет в стране появились институты развития: технопарки, особые экономические зоны, инновационные фонды и т.п. Созданы консультативные органы при органах государственной власти разного уровня. Однако набор возникших институтов не полон и не объединен в единую систему. Такой формой объединения могут стать региональные агентства развития. Сеть таких региональных агентств нужно объединить в общенациональное агентство развития, и они должны стать главными субъектами системы индикативного планирования. Без таких организационных структур стратегические планы останутся набором благих пожеланий. Необходима иерархическая система планирования и организации взаимодействия каждого его уровня с бизнес-ассоциациями, органами власти и гражданскими институтами.